

У Борисоглебского монастыря

...И прикрыл свои очи святой Иринарх,
Тонкий сон посетил его тело.
И привиделось: скачет завистливый лях
Грабить милые сердцу пределы.

А и вправду – разор и пожары вокруг,
А и впрямь за набегом – набег.
Поле вспахано пламенем, выжжен и луг.
Ухмыляется шляхтич Сапега.

Вопрошает: «Что скажешь, суровый монах?
Что так взоры твои неучтивы?»
И к литовцам, и к ляхам воззвал Иринарх:
«Убирайтесь! Останетесь живы!»

Узловатые пальцы сложились в щепоть.
Вскинул старец тяжёлые руки:
«Вижу я, как мечом отправляет Господь
Души пришлых на вечные муки».

Монастырские стены строги, как набат,
Грозным эхом сквозь годы и нивы
К тем, кто сеет разор и чужого хотят,
Не угаснув, слова Иринарха летят:
«Убирайтесь! Останетесь живы!»

И мы не простые, и жизнь не проста.
Иуда как прежде, целует Христа.
Иуда, как прежде, Христа предаёт,
Как прежде безмолвствует тихий народ.

Но всё-то не просто, и всё-то не так.
Шипит на Россию надменный поляк.
Братушка болгарин который уж год
Оружие нашим врагам подаёт.

А как целовали и в дружбе клялись!
К груди прижимались, но вот отреклись.
И речи пустые, и очи пусты.
Славянское братство, да было ли ты?

Когда ж чёрный морок с братьев опадёт.
Собой ужаснётся предавший народ
И с горькой слезою к России придут
Все те, кто с молитвой к Христу припадут?

А мы будем помнить, что жизнь не проста.
Иуда опять поцелует Христа.

В Болдино

Парк в Болдино. Ночных деревьев плечи.
Июньских лип подсвеченный уют.
Луна в пруду и ожиданье встречи.
Маслины глаз твоих любого с ног сшибут.

Коричневые сумерки подворья.
Приглядываюсь: Пушкин у окна.
Симфония лягушек, неба море.
И вот навстречу мне идёт она.

Легка, светла, со звёздами знакома.
Но ревность вдруг сжигает без огня:
А вдруг да Пушкин выбежит из дома
И уведёт царевну у меня.

Мне многое глаза твои сказали.
Их нежный космос разве удержать?
Я знаю, ты заплачешь на вокзале
И потому не стану провожать.

Стремительно уйду – в снега, в разлуку,
Чтоб вспоминать снежинок мотыльки,

Дыхание, мечтательные руки,
И губы, что как бабочки, легки.

Я буду вспоминать, как песня льётся
Из глаз твоих – в густые холода:
Как будто из бездонного колодца
На грудь мне плещет жгучая вода.

* * *

Люблю я под вечер спуститься
К малиновой, тёплой реке.
Заря пролетает, как птица,
И волны поют на руке.

Кукушка, туман и лодчонка,
И сосны – в закатном меду.
И с самой красивой девчонкой
Я к дому по лугу иду.

Цветы улыбаются Тане,
И мне, и смиренным стогам.
И светит великая тайна,
От неба плывущая к нам.

Уж звёздами ночь колосится.
Хмелит поцелуев вино.
И счастье всё длится и длится...
Давно это было. Давно!

* * *

Любимая, руки твоей коснуться,
А вот уж и волнение – до пят.
Твои ли кудри-волны в речке вьются?
А засмеёшься – ландыши звенят.

Я – дикий человек, живу в деревне.
Мне хорошо на родине моей.
Смотрю, как в небо щурятся деревья,
Покачивая краешком ветвей.

Я тоже счастлив видеть нежность неба,
По улице – сирени пьяный пыл.
Я никогда таким счастливым не был,
Хотя уже и плакал, и любил.

* * *

Слеза накатит беспричинно,
Как мне покажется. И что ж?

Вот я – не молодой мужчина,
А на дитя сейчас похож.

Мне больно стали трогать сердце
Летящий лист и птицы плач,
И мятный сумрак в тёплых сенцах,
В чулане пыльном детский мяч.

Так что же душу расшатало,
По сердцу лезвием скользя,
Что дымка сизая вокзала,
Вдруг набухает, как слеза?

Так что же остро так – не знаю! –
Вся жизнь моя, вся боль чужая
Горит слезой в душе моей
Сквозь горечь дней и радость дней?

* * *

У отца – голубы глаза.
У отца отдохнуть нельзя –
Всё рассказы и всё расспросы.
А за окнами – лес стеной.
А за окнами – свет льняной.
И о детстве шумят берёзы.

А отец мне: – Ну как живём?!
Хорошо ещё, что жуём.
Кое-как огородом сыты.
Вот вернули в Россию Крым –
Это правильно. Победим!
Значит, прашуры не забыты. –

Прогуляться пойду, взгрустнуть.
Память давняя стелет путь.
И луга под росой белёсы.
Друг – уехал, другой – убит.
Звёздный рой надо мной гудит,
Волны катятся нетверёзо.

За оврагом туман обмяк.
Всё как прежде, но всё не так.
Школа – вот она – дверь забита.
Дом соседский пошел на слом.
Песня тянется над селом.
Вилы ржавые – у корыта.

Возвращаюсь домой скорей.
Но цепляет меня репей:
– Не спеши! Оглянись! Послушай! –
Нет в селе уже ни огня.

Только ветер и тополя,
И над полем – родные души.

Нет в селе уже ни огня.
Смотрит родина на меня
Из смородины, из рогоза.
Узнаёт меня, узнаёт,
Всё вопросы мне задаёт,
Окаянные всё вопросы.

Вот я в доме. Крадусь впотьмах.
Месяц – клювышком в тополях,
Дух черёмухи из потёмок.
Вот поднялся отец: – Приляг!
Зря мы красный сменили флаг... –

Голосок половицы тонок...
Ходит старость на белых ногах,
Чуть покачиваясь спросонок.

* * *

Газ провели. В деревне – радость!
По торжеству – на стол харчи!
Но дед Василий сникнул малость:
«А как мы будем без печи?»

Но всё легко. Тепло в избушке
И остаётся только ждать
День, накукованный кукушкой,
И с телевизором дремать.

Василий мерит синим взглядом
По стенам на исходе дня,
Где чинно со святыми рядом
Расселась вся его родня.

Они пахали и косили,
И дружно пели под гармонию.
Они такую жизнь любили,
Когда в печи гудит огонь.

Василий грустно улыбнётся.
Что печь, коль век пошёл на слом?
И не понять: откуда вьётся
Дымок последний над селом?

Душа пролетает

Я не то чтоб почувал, я видел: душа пролетает,
Пролетает молитвой живой, обогрев небеса.

Словно фрески над ней поколений полки проплывают,
И минувших баталий дымы разъедают глаза.

Но и светлое видится: прадед и потное поле,
Прапрапра моя бабушка, тихих гераней уют.
Зреют яблоки. У косарей каменеют мозоли.
А ветра и просторы, и девушки – песни поют.

Пролетает душа надо всей нашей вольной отчизной!
Над трамваями, домами, соснами, вросшими в мох.
Как над ладом людским, так над всей неустроенной жизнью
Перепутий вокзальных и синих усталых дорог.

Над метельною, сиплою песней и вольною Вожей,
Над могилою мамы моей и просёлком в пыли.
Пролетает душа и никак наглядеться не может
На подсохший малинник, на рыжую пряжу зари.

Пролетает душа и на сердце – светает, светает.
И мерцает роса на колосьях туманных полей.
И душа всё летит, и как облако плачет и тает,
Выпадая на землю любовью и болью своей.